

Межотраслевой характер категории «ущерб» и актуальные проблемы взаимосвязи гражданского, уголовного, уголовно-процессуального, арбитражного и бюджетного законодательства Российской Федерации

Kudratov M.,

Wissenschaftlicher Mitarbeiter Regensburg Universität
E-mail: Kudratov@Ostrecht.de

Печегин Д.А.,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
E-mail: crim5@izak.ru

Трефилов А.А.,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
E-mail: sasha_trefilov@mail.ru

***Аннотация.** Правовое поле обрамляет общественные отношения, возникающие и складывающиеся в современном обществе и государстве. Те или иные правоотношения регламентированы, как правило, конкретной отраслью законодательства, скажем, бюджетной, уголовной, уголовно-процессуальной, арбитражной и др. Оперируя подчас одними и теми же правовыми категориями, тем не менее, каждая из отраслей законодательства может вкладывать в соответствующее понятие свои особенности, привносить присущие лишь данной отрасли элементы. Это легко можно проследить на примере такого понятия, как валюта. Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» используемые в данном федеральном законе институты, понятия и термины гражданского и административного законодательства РФ, других отраслей законодательства РФ применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства РФ, если иное не предусмотрено данным федеральным законом. Иными словами, понятие «валюта» может иметь различное значение и, соответственно, будет по-разному трактоваться в рамках конкретной отрасли законодательства.*

Между тем, такой подход нельзя признать правомерным в той части, в какой различное истолкование одного и того же термина в разных отраслях законодательства не позволяет в полной мере реализовать конституционные права и свободы граждан. Ведь отрасли законодательства не существуют изолированно друг от друга, но взаимосвязаны.

Отечественный правоприменитель, помимо прочего, постоянно сталкивается с такой категорией, как «ущерб». Статья посвящена анализу проблем различного толкования категории «ущерб» применительно к отечественному и зарубежному законодательству, а также раскрывает проблемы несостыковки различных отраслей законодательства. Сделан вывод о том, что лицо, ведущее производство по делу, может и обязано с учетом анализа рассматриваемых им обстоятельств исходить из комплексной оценки используемой при принятии решения трактовки категории применительно к ее пониманию совокупно в различных отраслях законодательства. Помимо этого нужно создать единую электронную базу и для судов, и для прокуратуры, и для всех следственных органов для обмена информацией, материалами, решениями в отношении одних и тех же лиц, привлекаемых к административной, гражданско-правовой и уголовной видам ответственности и по одному и тому же предмету исследования с целью объективного решения, проверки доказательств и достоверности представленных документов, которые стали основой для процессуального решения.

***Ключевые слова:** единство терминологии, потерпевший, ущерб, валюта, валютные преступления, бюджетное и уголовное право, арбитраж, уголовный процесс.*

Современные правоотношения все чаще становятся межотраслевыми, поскольку регламентированы подчас различными законодательными актами. Однако, как представляется, иной подход не позволит в полной мере увидеть право в действии¹. Ведь недостатки сугубо отраслевого подхода известны. Их можно проследить, скажем, на примере ст. 200.3 УК РФ, устанавливающей ответственность застройщика, привлекающего денежные средства граждан для строительства в нарушение требований законодательства РФ.

Так, согласно п. 7 ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» у юридического лица-застройщика должна отсутствовать недоимка по налогам, сборам, задолженность по иным обязательным платежам в бюджеты бюджетной системы РФ за прошедший календарный год, размер которых превышает 25% балансовой стоимости активов застройщика по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности за последний отчетный период. При этом данное требование считается выполненным и в том случае, когда этим лицом подано заявление об обжаловании недоимки и пр. Между тем, такое положение указанного закона не учитывает, что в настоящее время при наличии предварительного соглашения и нескольких фирм можно продемонстрировать колоссальные обороты компании, и, соответственно, совершенно «правомерно» брать под это кредиты, привлекать денежные средства граждан, хотя сама компания может и не обладать ни таким количеством денежных средств, ни, собственно, желанием выполнять взятые на себя обязательства. При этом главная проблема состоит в том, что часто такие компании-«застройщики», преследуя цель реализации своего преступного умысла, составляют соответствующие договоры, заключаемые с гражданами, с указанием цены в долларах США. Такими действиями недобросовестный застройщик непосредственно наносит вред (ущерб) гражданам и кредитным организациям.

Введение в УК РФ ст. 200.3 было связано с резонансными событиями в соответствующем сегменте российского рынка. Тем не менее, многие отмечают, что эффект от введения указанной нормы в УК РФ был не столь позитивным, как хотелось бы. Так, если ранее такие действия подпадали под ч. 4 ст. 159 УК РФ, с наказанием

вплоть до 10 лет лишения свободы, то теперь аналогичные действия фактически стали преступлением средней тяжести с соответствующим уменьшением наказания.

При этом ст. 200.3 УК РФ ограничена законодательством о долевом строительстве. Иными словами, действия аналогичного характера за рамками законодательства о долевом строительстве сегодня все еще будут квалифицироваться по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Тем не менее, даже такое положение в действующем механизме правового регулирования позволяет совершенно легально причинять ущерб гражданам и кредитным организациям.

Последнее связано с тем, что компании-«застройщики» заключают с гражданами так называемые предварительные договоры купли-продажи. Делается это с тем, чтобы в случае судебного (в основном — арбитражного) спора полностью «обезопасить» себя от ситуации, при которой гражданин будет требовать возврата денежных средств. И хотя арбитражные суды признают такие предварительные договоры основными договорами, т.е. прямыми договорами купли-продажи², тем не менее, проблема взыскания причиненного гражданину ущерба остается, поскольку, собрав с граждан денежные средства, указанные недобросовестные компании-«застройщики» переводят денежные средства за рубеж и начинают процедуру банкротства.

Проблема взыскания причиненного гражданину ущерба в данном случае остается нерешенной по той простой причине, что уголовное право, гражданское право и арбитражное процессуальное право не сообразованы между собой.

Согласно действующей практике — постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.08.2016 по делу А40-198565/15 — **в денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте** или в условных денежных единицах (ст. 317 ГК РФ). Денежные средства по указанным выше договорам перечисляются по платежным поручениям, содержащим, как правило, указание на сумму перевода в долларах США.

Согласно правовой позиции, изложенной в п. 1, 3, 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 04.11.2002 № 70 «О применении арбитражными судами статей 140 и 317 Гражданского кодекса Российской Федерации», арбитражным судам необходимо определять валюту, в которой денежное обязательство выражено

¹ Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 6.

² Согласно разъяснению Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 г. № 54 (п. 8) такой договор относится к договору купли-продажи недвижимой вещи с условием о предварительной оплате.

(валюту долга), и валюту, в которой это денежное обязательство должно быть оплачено (валютой платежа). При этом законные или договорные проценты на сумму такого денежного обязательства начисляются на сумму в иностранной валюте (условных денежных единицах), выражаются в этой валюте (единицах) и взыскиваются в рублях по правилам п. 2 ст. 317 ГК РФ.

С учетом вышеизложенного с ответчика подлежат взысканию денежные средства в сумме, эквивалентной долларам США по курсу ЦБ РФ на дату исполнения (платежа).

Если арбитражные суды видят в конкретных транзакциях на счетах гражданина долларový след и исчисляют сумму задолженности должника в рамках банкротных производств, исходя из курсовой стоимости доллара США на день, когда обязательства должны были быть выполнены по условиям предварительного договора, то правоприменитель в сфере уголовного права (см. ч. 4 ст. 159 УК РФ) исходит из того, что причиненный вред следует исчислять в рублях по курсу ЦБ РФ на день, когда злоумышленник получил возможность распоряжаться такими средствами, т.е. на день перечисления денежных средств.

Такой подход в российском уголовном законодательстве нельзя признать обоснованным. В условиях нестабильной мировой и экономической ситуаций возможны резкие скачки курса доллара США по отношению к рублю. Фактически получается, что злоумышленник, украв у гражданина конкретную сумму (скажем, 100 тыс. долл. США), должен вернуть ему не 100 тыс. долл. США, а сумму в рублях по курсу ЦБ РФ на дату хищения. Но кто сказал, что гражданин желал указанную сумму в этот день обменять на рубли? Вместе с тем получается, что с учетом того, что цена доллара по отношению к рублю постоянно меняется (а в целом лишь растет), злоумышленнику (если его поймали и признали виновным) не нужно возвращать гражданину 100 тыс. долл. США, а достаточно отдать соответствующую меньшую сумму в рублях. А теперь следует вспомнить ситуацию с обвалом курса рубля, когда 1 долл. США стал стоить в среднем не 30 рублей, а в два раза больше. Иными словами, похитив 100 тыс. долл. США на тот период, злоумышленник максимум был обязан возратить потерпевшему (при наличии вступившего в законную силу приговора суда) лишь 50 тыс. долл. США в пересчете на рубли, и то, если наличие у обвиняемого таких денежных средств удалось выявить в ходе расследования уголовного дела.

Сложившийся тренд до сих пор рассматривается судами общей юрисдикции как легитимный. Между тем такой подход ошибочен и не позволяет в полной мере обеспечить

защиту прав и основных свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ. Весь парадокс описанной ситуации заключается в том, что по другим частям ст. 159 УК РФ, а именно ч. 5-7, та же самая сумма денег, похищенная тем же злоумышленником, будет исчисляться совершенно по-другому постольку, поскольку речь идет о хищении в предпринимательской сфере деятельности у коммерческих организаций (в этом случае лицо, ведущее производство по делу, должно ориентироваться на конкретные гражданско-правовые договоры и т.п.). Согласно п. 15 постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» размер ущерба, подлежащего возмещению, определяется **на основании гражданско-правовых договоров, первичных учетных документов, выписок (справок) по расчетным счетам, информации по сделкам с использованием электронных средств платежа и т.п.** При необходимости для определения размера ущерба, подлежащего возмещению, может быть назначена **судебная экспертиза.**

В связи со сказанным возникают вполне резонные вопросы, а в чем, собственно, разница описанных ситуаций и почему компании находятся в приоритетном положении перед гражданином — физическим лицом? Полагаем, что никакой существенной разницы между ними нет, поскольку и тому, и другому причинен конкретный ущерб, выраженный в хищении денежных средств (валюты).

В этом плане интересным представляется современный опыт Швейцарии по обозначенной проблематике. Современное швейцарское уголовно-процессуальное право, в отличие законодательства большинства европейских государств, исходит из того, что правовое положение лица, в отношении которого совершено преступление, дифференцируется **(с целью установления различных правил возмещения причиненного ущерба)**. УПК Швейцарии различает самостоятельные понятия «*die geschädigte Person*» и «*das Opfer*». Согласно легальным определениям, содержащимся в Кодексе, первый термин обозначает лицо, права которого нарушены непосредственно совершением преступного деяния (ст. 115), а второй — лицо, физической, сексуальной или психической неприкосновенности которого причинен вред непосредственно в результате совершения преступного деяния (ст. 116). Исходя из этого, представляется целесообразным термин *die geschädigte Person* переводить как «потерпевший», а *das Opfer* как «жертва», поскольку в немецком языке, в том числе

в его швейцарском диалекте, последнее слово имеет более сильное лексическое значение. Указанное разграничение было известно далеко не всем кантонам до принятия единого УПК.

При рассмотрении проведенной дифференциации следует иметь в виду, что жертва преступления — это, в первую очередь, потерпевший, поскольку на него распространяются все относящиеся к нему нормы, но он занимает особое положение, поскольку его статус имеет значительную специфику. В связи с этим, как обоснованно пишет профессор Цюрихского Университета Д. Джозитш, «каждая жертва преступления является потерпевшим, но не каждый потерпевший — жертва преступления»³. Законодатель при построении этих статусов движется от общего к частному.

Анализ соответствующих норм УПК и Федерального закона о помощи жертвам позволяет установить несколько существенных различий между данными процессуальными статусами. Основное — проводится в зависимости от того, какой объект уголовно-правовой охраны подвергся посягательству. Статус жертвы преступления может иметь место только по делам о преступлениях против жизни, здоровья, свободы, половой неприкосновенности и иных сходных с ними деяниях, посягающих на личность. Во всех остальных случаях, включая совершение в отношении лица уголовного проступка, оно приобретает статус «обычного» потерпевшего.

Другое важное различие — объём их процессуальных прав. Смысл рассматриваемой дифференциации заключается прежде всего в том, чтобы наделить жертв насильственных преступлений большими возможностями. Пожалуй, ради этого и задумывалась данная правовая конструкция.

Потерпевший имеет право требовать возмещения ущерба⁴ посредством заявления гражданского иска в уголовном процессе⁵. Жертва, кроме того, имеет право на получение помощи (на возмещение ущерба), в частности, в следующих формах:

1) **возмещение расходов, подлежащих уплате, за долгосрочную помощь третьих лиц** («*die Kostenbeiträge für längerfristige Hilfe Dritter*»). Данная мера не имеет аналога в большинстве стран мира. Если жертва нуждается

в долгосрочной помощи третьих лиц для преодоления последствий преступления, кантональное учреждение, оказывающее помощь, в зависимости от финансового положения жертвы полностью или частично покрывает возникшие у неё расходы. Например, речь идёт о получении консультации у адвоката и о представительстве с его стороны, о медицинской помощи, временном жилище, затратах на домработницу, надомное обслуживание, а также о расходах на переводчика⁶.

Официальный сайт цюрихских государственных органов разъясняет, что долгосрочная помощь оказывается до тех пор, пока состояние здоровья не стабилизировалось и остальные последствия преступления не устранены. Помощь, направленная на стабилизацию здоровья, заканчивается, когда никакое значительное улучшение состояния здоровья больше не может ожидаться от продолжения ухода и лечения. Если медицинские меры служат только поддержанию стабильного состояния, то нужно проверить несение соответствующих затрат. Более долгосрочная помощь третьих лиц может компенсироваться, если она необходима и уместна. Каждая ситуация оценивается индивидуально. Нужно принимать во внимание: степень нарушения интересов жертвы преступлением; её возможность и способность самостоятельно преодолевать последствия уголовно-наказуемого деяния; физическое и психическое здоровье жертвы; её языковые и юридические знания; эффективность и ожидание результатов от определенного вида помощи; возможности жертвы по самостоятельной минимизации ущерба в разумных пределах⁷.

Закон о помощи жертвам преступления определяет пределы компенсации указанных выше расходов в зависимости от имущественного положения жертвы. Расходы, подлежащие уплате за долгосрочную помощь третьих лиц, покрываются: полностью, если доходы уполномоченного лица не превосходят двойную сумму прожиточного минимума; частично, если его доходы находятся между двойной и четырёхкратной суммой прожиточного минимума (ст. 16);

2) **возмещение вреда** («*die Entschädigung*») в соответствии со ст. 19-21 указанного закона. Кантон возмещает жертве преступления имущественный, моральный и иные виды

³ Jositsch D. Grundriss des Schweizerischen Strafprozessrechts. Zürich, 2009. S. 75.

⁴ Категория «вред», «ущерб», «убытки» в Швейцарии разрабатывается в науке гражданского права, а не уголовного процесса.

⁵ См. подробнее: Трефилов А. А. Рассмотрение дела по существу в уголовном процессе Швейцарии (часть 2) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6. С. 143-148.

⁶ Подробная информация на официальном сайте государственных органов Цюриха // URL: http://www.opferhilfe.zh.ch/internet/justiz_inneres/opferhilfe/de/finanzielle_hilfe/hilfeleistungen/laengerfristige_hilfe.html (дата обращения: 03.02.2016).

⁷ Там же.

вреда в размере до 120 (!) тыс. фр.⁸ Согласно ст. 19 жертва и её близкие имеют право на возмещение вреда за понесённый ущерб вследствие нарушения интересов или смерти жертвы. Закон устанавливает, что возмещение покрывает ущерб: полностью, если доходы уполномоченного лица не превышают двойную сумму прожиточного минимума; частично, если его доходы находятся между двойной и четырёхкратной суммой прожиточного минимума. Возмещение составляет не более 120 тыс. фр. Интересно, что никакое возмещение не направляется, если оно составит менее чем 500 фр. Возмещение может выплачиваться несколькими частями в рассрочку. Также компетентный кантональный орган власти предоставляет жертве аванс, если она или её близкие нуждаются в немедленной финансовой помощи или последствия преступления нельзя установить в короткий срок с достаточной точностью;

3) **компенсация** («*die Genugtuung*») — по смыслу ст. 22-23 данного нормативного правового акта имеется в виду денежная сумма, выплачиваемая кантоном сверх возмещения вреда, «если тяжесть нарушения интересов это оправдывает» («*wenn die Schwere der Beeinträchtigung es rechtfertigt*»). Закон предусматривает дополнительную выплату жертве преступления в размере до 70 (!) тыс. фр., а ее родственникам — до 35 (!) тыс. фр.

Таким образом, в Швейцарии при определении ущерба, причиненного потерпевшему, а равно жертве преступления, исходят из комплексного подхода с обращением к положениям других отраслей законодательства, в том числе гражданского. Такой подход представляется положительным, отражающим современные тенденции, в связи с чем его можно предложить отечественному законодателю в целях преодоления отраслевых барьеров там, где речь идет о необходимости защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В этом плане следует положительно оценить проект федерального закона № 348097-7 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», поскольку предложенные изменения позволят арбитражным судам приостанавливать производство по делу тогда, когда параллельно с ним идет расследование уголовного дела. Как указано в пояснительной записке к данному законопроекту, в правоприменительной практике нередко возникает необходимость приостановить дело, находящееся в производстве

арбитражного суда, в случае предварительного расследования по уголовному делу обстоятельств, которые могут иметь значение для рассмотрения данного арбитражного дела. Однако АПК РФ допускает приостановление только в случае принятия к своему производству уголовного дела судом общей юрисдикции, исключая случаи возбуждения и расследования уголовного дела. При этом в случае возбуждения и расследования уголовного дела у арбитражного суда может возникать необходимость в приостановлении дела для дальнейшего всестороннего, полного и объективного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов.

Однако категория ущерба в России неоднозначно трактуется не только в арбитражном и уголовном законодательстве. В настоящее время понятие категории «ущерб» также четко не определено и в бюджетном законодательстве РФ.

В письме Минфина России от 14.07.2014 № 02-10-09/34216 указано, что понятие «ущерб, причиненный Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию» не установлено бюджетным законодательством РФ, а также ГК РФ.

Учитывая изложенное, Минфином России рассматривается вопрос о внесении изменений в ст. 270.2 БК РФ, уточняющих состав требований, которые могут содержаться в предписаниях органов государственного (муниципального) финансового контроля.

Вместе с тем Федеральная служба финансово-бюджетного надзора в рамках правоприменительной практики может самостоятельно квалифицировать наличие ущерба, причиненного Российской Федерации, например, вследствие нецелевого использования средств федерального бюджета или иного использования средств, предоставленных из федерального бюджета (бюджетов государственных внебюджетных фондов РФ), с нарушениями бюджетного законодательства РФ⁹.

В экономической литературе встречается следующее определение экономического ущерба — это ущерб, измеряемый в стоимостном выражении, который наносится хозяйствующему субъекту, государству в целом, отдельному человеку, а также природе в результате ошибок и недостатков в хозяйственной деятельности, хозяйственных преступлений и тому подобных случаях.

В соответствии с вышесказанным можно сделать вывод о том, что денежным выражением

⁸ По состоянию на 04.04.2018 курс швейцарского франка по отношению к рублю составлял 66 руб. 38 коп. Следовательно, 120 тыс. шв. франков — это 7 млн 245 тыс. 600 руб.

⁹ Лермонтов Ю.М. Постатейный комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». 2015.

ущерба является убыток. Понятие «убыток» дано в ст. 15 ГК РФ. Согласно данной норме «под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также недополученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)...». По общему правилу должник обязан полностью возместить кредитору причиненный убыток¹⁰.

В противовес указанной позиции можно заметить, что понятие вреда шире ущерба, поскольку включает в себя последствия от причиненного ущерба, хотя в ГК РФ ущерб и вред зачастую рассматриваются как синонимы.

Рассматриваемый вопрос, на первый взгляд, может непосредственно затрагивать категорию эффективности расходования бюджетных средств. Исходя из логики законодателя, эффективность использования бюджетных средств определяется через призму результата, который достигается двумя путями:

- использованием наименьшего объема средств (экономии); или
- использованием определенного бюджетом объема средств (результативности).

Другими словами, эффективность выражается либо в определенном количестве денежных средств, которые затратят для достижения конкретного результата, либо в достижении результата, но с наименьшими денежными затратами.

В постановлении от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» Пленум ВАС РФ пояснил: «оценивая соблюдение участниками бюджетного процесса указанного принципа, судам необходимо учитывать, что участники бюджетного процесса в рамках реализации поставленных перед ними задач и в пределах выделенных на определенные цели бюджетных средств самостоятельно определяют необходимость, целесообразность и экономическую обоснованность совершения конкретной расходной операции»¹¹.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 30.09.2014 № 999 «О формировании, предоставлении и распределении субсидий

из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации» в качестве основания для привлечения виновных должностных лиц федеральных органов исполнительной власти и (или) органов исполнительной власти субъектов РФ, допустивших неисполнение (ненадлежащее исполнение) должностных обязанностей, к дисциплинарной ответственности устанавливается критерий нанесения ущерба государственным и (или) общественным интересам.

При этом КоАП РФ и УК РФ апеллируют только количественным критерием определения того, что является ущербом, крупным ущербом, особо крупным ущербом, значительным материальным ущербом (ст. 285, 285.2, 286, 293 УК РФ).

Таким образом, в настоящее время, в отсутствие прямых указаний законодателя, под ущербом в бюджетном законодательстве РФ и сложившейся практике понимаются материальные потери (реальные потери).

Однако следует указать на то обстоятельство, что бюджетное законодательство и практика его применения в рассматриваемой сфере обходят стороной вопрос упущенной выгоды (вреда). Представляется, что даже в случае нецелевого использования бюджетных средств интересам Российской Федерации и общества может быть причинен «ущерб» («вред»).

Допустим, что вместо одного объекта инфраструктуры был построен совершенно иной или качество построенного объекта не позволяет применять его по прямому назначению, использовать, что выявлено в ходе проверки. И в первом, и во втором случае, как представляется, должен быть восстановлен *status quo*, т.е. построен тот объект, на который выделялось финансирование (полностью перестроен некачественный объект либо построен новый взамен негодного). Однако последнее также требует бюджетных расходов. Т.е. такими действиями также наносится вред государственным и (или) общественным интересам, снижается эффективность расходования бюджетных средств.

Возможно, эти два понятия не следует смешивать в одно, т.е. ущерб понимать как материальные потери (реальные потери) в виде количества «зря» потраченных средств. Но в бюджетном законодательстве, на наш взгляд, также необходимо предусмотреть и понятие категории «вред». При этом можно рассматривать вопрос о дифференцированном подходе к последней категории, когда возмещение средств можно будет требовать не сразу, а, допустим, начиная со второго, третьего случая выявленных нарушений либо в зависимости от значительности деяния.

Несмотря на все вышесказанное, практический эффект комплексного понимания

¹⁰ Ренгольд Е.Ю. О возмещении ущерба, причиненного Российской Федерации // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2017. № 6. С. 60-63.

¹¹ Вестник ВАС РФ. 2006. № 8; см. также: Вершило Т.А. К вопросу о правовых проблемах эффективного использования бюджетных средств // Финансовое право. 2013. № 12. С. 21-25.

той или иной правовой категории конкретным правоприменителем в современных условиях во многом будет зависеть от качества материальной базы, к которой у него имеется доступ. Речь идет об образовании единой государственной платформы обмена данными, поскольку цифровизация становится всеохватывающим трендом на всей территории Российской Федерации. Следует положительно оценить идею Центра стратегических разработок относительно того, что в Российской Федерации необходимо создание «единой архитектуры государственной цифровой платформы, преодолевающей разрозненность ведомственных систем и базирующейся на едином массиве данных»¹². Такая платформа, по нашему мнению, должна позволять лицу, ведущему производство по уголовному делу, непосредственно знакомиться с данными арбитражных, гражданских, исполнительных и административных производств в электронном виде и в режиме online. Это в разы повысит скорость защиты прав граждан от любых возможных посягательств, позволит вовремя реагировать на любые нарушения, фактически сведет к нулю коррупционные риски и пр. Единство категориального понимания и материально-правовой базы позволит, по нашим убеждениям, в современных условиях совершить тот самый рывок при реализации задачи обеспечения прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ.

Выводы. В современных условиях правоприменитель не должен ограничиваться сугубо отраслевым взглядом на тот или иной термин. «Приобретая в этом качестве характер межотраслевой, пограничной категории, правовое понятие выражает особый способ правовой регламентации и обусловлено необходимостью обеспечения системности законодательного регулирования, его внутренней логической согласованности»¹³. Бюджетное, арбитражное, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство служит не тому, чтобы четко разграничивать одни правоотношения от других. Для защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина используемые правоприменителем термины и понятия должны пониматься комплексно. Если злоумышленники украли у физического лица 100 тыс. долл. США, то и вернуть они должны, как минимум, 100 тыс. долл. США. Позитивным в этом плане

является швейцарский опыт, который позволяет по уголовным делам при расчете ущерба потерпевшему исходить из гражданско-правового комплекса норм и положений.

Нужно создать единую электронную базу и для судов, и для прокуратуры, и для всех следственных органов в целях обмена информацией, материалами, решениями в отношении одних и тех же лиц, привлекаемых к административной, гражданско-правовой и уголовной видам ответственности и по одному и тому же предмету исследования с целью объективного решения, проверки доказательств и достоверности представленных документов, которые стали основой для процессуального решения. Это позволит исключить различную оценку должностными лицами размера причиненного ущерба в рамках гражданского, арбитражного и уголовного процессов. Также исключит необоснованные решения о возбуждении уголовных дел при наличии постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Единство категориального понимания и материально-правовой базы позволит в современных условиях совершить тот самый качественный рывок в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ.

Список литературы

1. Абрамова А.И. Правовые понятия в общем цикле развития российского законодательства // Журнал российского права. 2017. № 11.
2. Лермонтов Ю.М. Постатейный комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». 2015.
3. Ренгольд Е.Ю. О возмещении ущерба, причиненного Российской Федерации // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2017. № 6.
4. Трефилов А.А. Уголовный процесс зарубежных стран. В 2 т. М., 2016-2018.
5. Трефилов А.А. Рассмотрение дела по существу в уголовном процессе Швейцарии (часть 2) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6.
6. Потерпевший и жертва преступления в досудебном производстве по УПК Швейцарии 2007 года: сравнительно-правовой аспект // Законодательство. 2014. № 8.
7. Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. 2017. № 8.
8. Jositsch D. Grundriss des Schweizerischen Strafprozessrechts. Zürich, 2009.

¹² URL: <https://news.mail.ru/politics/33361236/> (дата обращения: 10.05.2018).

¹³ Абрамова А.И. Правовые понятия в общем цикле развития российского законодательства // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 39.

Cross-Sectoral Nature of the Category «Damage» and Actual Problems of Interrelation of Civil, Criminal, Criminal Procedural, Arbitration and Budgetary Legislation of the RF

Kudratov M.,

Wissenschaftlicher Mitarbeiter Regensburg Universität
E-mail: Kudratov@Ostrecht.de

Pechegin D.A.,

PhD in Law, Senior Researcher,
The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the RF
E-mail: crim5@izak.ru

Trefilov A.A.,

PhD in Law, Senior Researcher,
The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the RF
E-mail: sasha_trefilov@mail.ru

Abstract. *The legal field frames social relations that arise and develop in modern society and the state. These or other legal relations are regulated, as a rule, by a specific branch of legislation, for example, budgetary, criminal, criminal procedural, arbitration, etc. Operating sometimes with the same legal categories, nevertheless, each of the branches of legislation can invest in the corresponding concept their especially, to introduce elements inherent only in this industry. This can easily be traced to an example of such a thing as currency. According to Part 2 of Art. 1 of the Federal Law of 10.12.2003 No. 173-FZ «On currency regulation and currency control» the institutions, concepts and terms of civil and administrative legislation of the Russian Federation and other branches of the legislation of the Russian Federation used in this federal law are applied in the sense in which they are used in these branches of the legislation of the Russian Federation, unless otherwise provided by this federal law. In other words, the concept of «currency» can have different meanings and, accordingly, will be treated differently within the framework of a specific branch of legislation.*

Meanwhile, such an approach can not be considered legitimate insofar as the different interpretation of the same term in different branches of legislation does not allow to fully realize the constitutional rights and freedoms of citizens. After all, branches of legislation do not exist in isolation from one another but are interrelated.

The domestic law-enforcer, among other things, constantly starts with a category such as «damage». The article is devoted to the analysis of the problem of different interpretation of the category «damage» in relation to domestic and international legislation, and also discloses the problems of inconsistency of various branches of legislation. It is concluded that the person conducting the proceedings in the case can and is obliged, based on the analysis of the circumstances under consideration, to proceed from a comprehensive assessment of the category used in making the decision as applied to its understanding in aggregate in various branches of legislation. Besides it is necessary to create universal state data base for judges, prosecutors, investigators, etc., which would allow cross-sectoral free information exchange on the same subject.

Keywords: *unity of terminology, victim, damage, currency, currency crimes, budgetary and criminal law, arbitration, criminal procedure.*

References

1. Abramova A.I. Pravovye ponyatiya v obschem tsikle razvitiya rossij-skogo zakonodatelstva // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 11.
2. Lermontov Yu.M. Postatejnyj kommentarij k Byudzhetnomu kodeksu Rossijskoj Federatsii // SPS «KonsultantPlyus». 2015.
3. Rengold E.Yu. O vozmeschenii uscherba, prichinennogo Rossijskoj Federatsii // Finansovyj vestnik: finansy, nalogi, strakhovanie, bukhgalterskij uchet. 2017. № 6.
4. Trefilov A.A. Ugolovnyj protsess zarubezhnykh stran. V 2 t. M., 2016-2018.
5. Trefilov A.A. Rassmotrenie dela po suschestvu v ugolovnom protsesse Shvejtsarii (chast 2) // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2016. № 6.
6. Poterpevsij i zhertva prestupleniya v dosudebnom proizvodstve po UPK Shvejtsarii 2007 goda: sravnitel'no-pravovoj aspekt // Zakonodatelstvo. 2014. № 8.
7. Chernogor N.N., Pashentsev D.A. Pravovoj poryadok: doktrinalnye podkhody, metody i aktualnye napravleniya issledovaniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 8.
8. Jositsch D. Grundriss des Schweizerischen Strafprozessrechts. Zürich, 2009.